

А Н Д Р Е Й П А В Л Е Н К О

ВОЗМОЖНОСТЬ ТЕХНИКИ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 111.7
ББК 87.21
П12

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *А. П. Огурцов*,
доктор философских наук, профессор *В. М. Найдыш*

Павленко А.

П12 Возможность техники / А. Павленко. — СПб. : Алетейя, 2010. — 224 с.

ISBN 978-5-91419-397-1

Предметом настоящего исследования являются условия онтологической «возможности» и «невозможности» техники. С целью их уточнения проанализированы концепции П. Флоренского, М. Хайдеггера и Ф. Дессауэра. Опора на полученный ими результат — инструментальное и антропологическое объяснения природы техники вторичны в отношении к объяснению онтологическому — позволила обнаружить онтологическую Пропись (понимаемую как упорядоченную субструктуру бытия) и на ее основе выявить исток современной техники. Показано, что в основании современной техники лежит специфическое понимание природы времени — темпоральная асимметрия «будущего» в отношении «настоящего» и «прошлого»: современная техника есть техническая форма реализации «эсхатологического проекта». Утверждение власти эсхатологической формы современной техники провоцирует появление феномена «цивилизация», подчиняющегося закону обратного отношения индивидуации и дезиндивидуации человека. Показаны также онтологические условия появления «анантропа» и биомедицинские следствия рационального проекта Декарта.

Работа рассчитана на специалистов в области онтологии, философии науки и техники.

УДК 111.7
ББК 87.21

ISBN 978-5-91419-397-1

9 785914 194021

© Павленко А., 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

Моей жене Лене...

*«Историческая задача техники — сознательно
продолжить свое органопроецирование,
исходя из решений, даваемых бессознательным те-
лостроительством души»*

Павел Флоренский

*«Ob wir Künftigen das Ohr haben für den Klang
des Anklangs, der in der Vorbereitung des anderen
Anfangs zum Klingen gebracht werden muß»*

Martin Heidegger

«..Eritis sicut Deus...»

(Gen.3.5.)

ВВЕДЕНИЕ

Ни одна сфера человеческой жизни не обходится сегодня без того, чтобы ее не сопровождала соответствующая «техника». Если речь идет о науке, например, о математике, то обязательно упоминается «техника доказательства». Науки о природе сегодня немыслимы без «техники» наблюдения и эксперимента. В философии, если она осмысленная философия, речь заходит о «технике аргументации». В искусстве мы не обойдемся без «техники рисунка», в музыке — без «техники композиции или аранжировки» и т.д., и т.п.

Техника довлеет и в обыденной жизни человека, которая становится невыносима и непомерно тяжела, если её повсюду не сопровождает «бытовая техника». Техническими стали даже такие сферы человеческого существования, связь которых с техникой каких-нибудь триста лет назад было невозможно помыслить: одна из высших христианских ценностей — «любовь» трансформировалась в «технику любви». Даже внутри религии возникают самостоятельные области знания — «лестничные техники», «техники просветления», «техники»¹ покаяния, обожения» и т.д.

Техника стала для человека универсальным способом обращения с вещами мира. Что это за способ? Во всех приведенных примерах, как мы убедились, техника употребляется в одном единственном значении

¹ Вместо термина «техники» в современном богословии часто употребляется семантически близкий ему термин «практики», но от этого суть дела не меняется.

– *инструментальном*. Техника, понятая как инструмент, способна породить два типа иллюзий.

Первый тип иллюзии связан с *обладанием*. У человека вырабатывается убеждение, что, используя технику как инструмент, он является ее обладателем. В этом случае техника выступает как *пассивный участник* процесса в руках ее *активного* пользователя.

Второй тип иллюзии связан с *нейтральностью* техники. Эта иллюзия вырабатывает убеждение в том, что «техника сама по себе» безразлична к своему назначению (форме и способу использования). Назначение техники – ее *значение* – полностью определяется человеком.

Инструментальное понимание назначения техники формирует у человека убеждение о его техническом могуществе². В этом случае техника рассматривается как *способность человека*. Несмотря на то, что «технические действия» и «технические изделия» можно обнаружить у многих представителей животного мира, человеческая техника самым человеком объясняется как *осознанная и целеполагающая*, в то время как техника животных – *инстинктивна* (генетически запрограммирована). Так понятая техника выступает уже в *антропологическом* значении. Антропологическое понимание техники способствует формированию еще более опасных иллюзий, чем её инструментальное понимание. Иллюзия первая – *человек*, полагаясь на свое техническое могущество, *возомнил себя господином мира*. В этом случае техника выступает как *условие* его могущества. Иллюзия вторая – *техника*, выступающая как главное условие могущества человека, будто бы *гарантирует* и *закрепляет за человеком* его могущество навечно. Человек, оказавшийся во власти этих иллюзий, совершенно не допускает для себя необратимых отрицательных последствий.

Антропологическое и инструментальное значения техники, несмотря на специфические особенности каждого из них в отдельности, имеют, тем не менее, одну общую характеристику – «человеческая техника» в инструментальном и антропологическом значении рассматривается и понимается как *нечто человеческое и только человеческое*. Техника не мыслится как нечто самостоятельное, с чем человек только соседствует, причины чего – ему внеположены и вменены. Говоря проще, современный человек даже не допускает самой возможности того, что *техника есть самостоятельная форма бытия сущего*, и что он может оказаться во власти этой формы. Такое значение техники явля-

² Первый раз мы обратились к этой стороне человеческого существа в работе: Павленко А.Н., Можеение. // Человек, – 1993, № 6.

ется *онтологическим*. И именно оно станет предметом самостоятельного анализа в настоящей работе. Непризнание этого значения техники чревато уже не иллюзиями – наоборот перечисленные иллюзии суть фундамент такого *непризнания* – но совершенно конкретными последствиями. Если же опираться на онтологическое значение техники так, чтобы два других упомянутых выше значения были с ним объединены, то можно сформулировать некоторое итоговое утверждение:

«Техника, направляя конструирующего мир человека, вплотную подводит его к собственной границе».

Это утверждение содержит побудительный мотив, который заставляет обратиться к анализу причин и оснований так и в такой последовательности происходящих процессов. Центральной темой здесь является именно тема «техники». Ведь именно она позволяет современному человеку приблизиться к собственным границам. В одном из предыдущих исследований³ мы показали, что «конструирование» мира, противостоящее его «открытию», есть совершенно специфическая форма отношения человека к миру, которая стала сегодня господствующей. Именно поэтому, нас будет интересовать в первую очередь не многообразие форм проявления техники⁴, не специфика тех или иных технических отраслей, не история техники, но именно та область, где рождается само «техническое» отношение человека к миру. Нас будет интересовать сама *«возможность техники»*

Всякое исследование принято начинать с постановки вопроса⁵. Настоящее исследование не является исключением, поскольку также является попыткой ответа на вопрос: «Как возможна техника?», содержание которого отражено в названии. Так сформулированный вопрос может показаться странным. В самом деле, почему он сформулирован с использованием термина «возможность», а не с использованием более привычных терминов: «природа» или «сущность». Дело в том, что

³ См.: Павленко А.Н. Теория и театр, – СПб, Издательство СПбГУ, 2007., Гл. 8.

⁴ Например, Ганс Ленк приводит своей работе 30 (!) существенных черт современной техники: Lenk Hans, *Advances in the Philosophy of Technology: new structural Characteristics of Technologies*, Technikphilosophie, Bd.5. *Advances and Problems in the Philosophy of Technology*, /Hans Lenk, Matthias Maring (eds.), Lit Verlag Münster-Hamburg-London, 2001. P.95-101.

⁵ Вопрос, как правило, принято отождествлять с проблемой, хотя, строго говоря, это некорректно. Тем не менее, в вопросе уже содержится «проблематичность» – затребование дополнительной информации. Не всякая проблема нуждается в затребовании дополнительной информации, но что несомненно – реальная проблема (не псевдопроблема) провоцирует такое затребование. В этом смысле вопрос или группа вопросов – суть следствия существующей проблемы.

«возможность» самым непосредственным образом связана с *онтологией*. Мир чувственно наблюдаемой «технической сферы» человеческой жизни, оказывается при таком рассмотрении не единственным «миром техники». Между тем многие исследователи склонны видеть только позитивную – «овещественную» – сферу технику, которая дана эмпирически. «Возможность техники», напротив, позволяет говорить о «технике» еще до того, как «она» – на стадии технического проекта – получит «овещественное» выражение, обретя эмпирические наблюдаемые формы конкретного технического изделия – артефакта.

В строгом смысле следует различать две реальности – «логически возможную» и «фактически существующую». Логически возможной является любая реальность, которая *логически непротиворечива*. Это в равной степени относится и к объектам техники, и к объектам науки, и к объектам философии. Например, французский ученый Сади Карно, сформулировав два начала термодинамики, тем самым продемонстрировал, что «вечный двигатель» как именно технический артефакт – *логически невозможен*, а, следовательно, невозможен и фактически (физически)⁶. Другими словами, если он невозможен *в принципе*, то отсутствуют всякие разумные основания для его осуществления в фактической реальности.

Однако рассмотрение «возможности» может принять также иной и весьма неожиданный, онтологический ракурс. Так, например, следует ли понимать «возможность» как своего рода «особый мир возможного», существующий вне сознающего эту возможность человека, или же сфера возможного ограничена только человеческим мышлением и сознанием?

Два наиболее вероятных ответа на этот вопрос породили в философии техники два наиболее влиятельных направления, к которым, в конечном счете, при рассмотрении этого вопроса, тяготеет большинство исследователей. К числу сторонников понимания «возможности техники» как особого мира (будь это мир «идей», «возможный мир» как мир непротиворечивых, но еще нереализованных технических проектов, «бытие» или что-либо еще) можно отнести Павла Флоренского, Мартина Хайдеггера, Фридриха Дессауэра и некоторых других исследователей.

Другой ответ, согласно которому «возможность техники» ограничена рамками человеческого мышления и сознания, репрезентирует наиболее влиятельное направление. Его можно было бы назвать преобладающим, и представлено оно такими именами как К.Маркс, Г. Рополь и некоторыми другими. Согласно представителям этого направления

⁶ Это послужило основанием для закрытия Французской Академией наук объявленного ранее конкурса на создание «вечного двигателя».

«источником» и, следовательно, «возможностью» техники является *человеческое сознание, и только человеческое сознание*. Любые другие способы реконструкции возникновения технических артефактов рассматриваются ими как «метафизические» и лишенные всякого основания. Онтологический подход, по мнению позитивистски настроенных философов техники, способен спровоцировать лишь недоумение и здоровый сарказм.

Именно поэтому концепции, опирающиеся на онтологический подход, станут предметом самостоятельного анализа в первой главе исследования *«исторически значимые подходы в объяснении возможности техники»*, которая является исторической преамбулой к самому исследованию.

Приведение указанных позиций вовсе не означает, что другие подходы вовсе отсутствуют. Отнюдь нет, они существуют. Более того, они ставят перед собой цель выйти за узкие рамки указанной дихотомии. В качестве альтернативы предлагаются другие основания деления, то есть по существу предлагаются другие дихотомические подходы. Например, Карл Митчем в своей работе «Что такое философия техники?»⁷ предложил классифицировать подходы в исследовании феномена «техники» по основанию «инженерный – гуманитарный». Виталий Горохов развивая классификацию Митчема, предлагает её расширение до трех областей: 1) философская рефлексия над феноменом техники (в самом общем виде) инженерного сообщества и топ менеджеров крупных технологических корпораций; 2) философская рефлексия над феноменом техники со стороны профессиональных инженеров, которые сделали «философию техники» основным родом своих профессиональных занятий; 3) философствующий критицизм в отношении техники со стороны всей нашей «технической эпохи» и в первую очередь со стороны представителей «гуманитарного крыла»⁸. Как видим, Горохов существенно

⁷ «Если философию техники взять в *субъективном* аспекте её возникновения, - говорит К. Митчем, - указывая при этом, что является её субъектом, деятельным носителем, то в этом случае философия техники представляет собой попытку техников и инженеров выработать некую философию своей деятельности. Если же брать философию техники в *объективном* аспекте её возникновения, имея в виду при этом самый предмет, с которым мы имеем дело, то её можно рассматривать как совокупность усилий ученых-гуманистов осмысливать технику серьезно, как предмет дисциплинарных рефлексий. Таким образом, первый ребенок в этом случае близок к самой технике, он «прототехнологичен», в то время как второй – несколько более критичен». Митчем К. Что такое философия техники?, – М. Аспект Пресс, 1995, С.10-11.

⁸ Gorokhov Vitali, A New Interpretation of Technological Progress // Technikphilosophie, Bd.5. Advances and Problems in the Philosophy of Technology, Lit Verlag Münster- Hamburg-

не видоизменяет точку зрения Митчема, но, скорее, уточняет первый пункт в его классификации, придавая ему более полное выражение.

Выбор стратегии, предложенный Митчемом и Гороховым вполне объясним: первое слово профессионалам, затем – свобода высказаться всем, кто хочет заявить «свое мнение о философии техники». Действительно, кто как не профессионалы знают предмет обсуждения – «технику как таковую». Однако при всей естественности данного подхода, с точки зрения здравого смысла и профессионального прагматизма, он провоцирует появление недоумения. Хайдеггер в одной из своих работ по философии техники⁹ пронизательно замечает, что «*сущность* техники» сама по себе не есть нечто «техническое»¹⁰. В самом деле, если это действительно так, то специалисты квалифицированно могут высказываться о самой «технике», но «сущность техники» будет оставаться вне пределов их профессиональных знаний и навыков. Во всяком случае, между профессиональным знанием техники (умением профессионально ею распоряжаться) и пониманием её конечного назначения нет необходимого логического следования¹¹. В данном случае и далее под «*сущностью*» *любого объекта* (по-

London, 2001, P.31.

⁹ Heidegger M. Die Technik und die Kehre – Pfullingen, 1962, S. 5.

¹⁰ Подход Митчема и Горохова вызывает опасение тем, что доведенный до своего логического завершения – до крайних форм своего проявления – может привести к очевидным нелепостям. Так, например, вполне оправдан вопрос: Кто компетентен в принятии решения о необходимости биоинженерного клонирования человека (вообще, в обсуждении этой темы)? Ответ, который побуждает сделать заявленная выше позиция, однозначен: прежде всего – биоинженеры (ведь именно они понимают, что есть «биоинженерия»), а затем все желающие! Но разве биоинженер *знает* «что есть человек?». Используя фигуру мысли Хайдеггера, мы имеем полное право утверждать, что «сущность человека» не есть нечто *человеческое* (понятое здесь как «биоинженерное»). И будем совершенно правы. Причина возникающего опасения, как нам кажется, заключается в том, что сущности вещей мира содержат некоторый «довесок», не сводимый к их «пространственно-временной» экспликации как *объектов* нашего научно-технического представления в настоящий отрезок времени. Этот «довесок» вовсе не обязательно должен иметь *религиозную* или *метафизическую* природу. Он может быть сугубо естественным – физическим, химическим, биологическим и.д.. – но оставаться всегда в сфере *непознанного до конца* в настоящий период времени. Желание же рассмотреть «вещи» – объекты мира – без «довесков», то есть как окончательно познанные, по существу представляют собой стратегию *редукционизма*. Несколько подробнее такое развитие событий будет рассмотрено нами в третьей главе настоящей работы.

¹¹ Так, например, медицинский работник знающий *технологии* прививки от холеры и владеющий ею совсем не обязательно может *понимать* масштаб и значение (в данном случае – *сущность прививки*) своего профессионального технического навыка для предотвращения пандемии в каком-либо регионе. Или еще рельефнее – создатель разрушительной технологии (допустим, создатель водородной бомбы А.Д. Сахаров) отнюдь не является тем, кто на момент создания сознает «сущность водородной бомбы». Вообще

нятия, явления, отношения и т.д.) условимся понимать некоторую совокупность неотъемлемых признаков, без которых данный объект не может быть законченным образом помыслен. Определение понятия «сущность» через понятие «признак» позволит избежать ожидаемого обвинения в метафизичности. «Сущности», согласно нашему пониманию, суть не метафизические или религиозные «субстанции», а «неотъемлемые признаки» рассматриваемых объектов.

Поэтому, рассматривая «технику» исследователь оказывается перед необходимостью обнаружить такие ее признаки (качества и свойства)¹², которые, во-первых, делают ее непротиворечивой и в этом отношении — «логически возможной», а во-вторых, делают ее реализуемой в виде артефакта, то есть «фактически возможной»¹³.

Предлагаемая работа композиционно построена именно с учетом такой классификации возможности. В первой главе «Исторически значимые подходы в объяснении возможности техники» будут рассмотрены взгляды тех инженеров, философов и богословов, которые, с нашей точки зрения, впервые посмотрели на технику со стороны ее онтологической возможности (Павел Флоренский, Мартин Хайдеггер, Фридрих Дессауэр), а также взгляды тех, кто выступил с бескомпромиссной критикой онтологического подхода (Гюнтер Рополь).

В следующей части исследования (Главе 2.) будут введены базовые понятия, необходимые для анализа «возможности техники»: «онтологическая пропись», «онтологическое пространство», «онтологическое время», «рапидактор». Введение этих понятий позволит выявить: каким образом «техника» связана с самой онтологической структурой бытия.

В последней — третьей — части работы будут рассмотрены те стороны техники, которые непосредственно соприкасаются с человеком, её антропологические черты. В этой части будет рассмотрен такой сценарий решения экологических проблем, который с необходимостью приводит

нужно заметить, что пронизательность этого замечания Хайдеггера относится в равной степени ко всему сущему и подтверждается она тем, что *многие техники, технологи и ученые, образно выражаясь, «открывают двери» для создания неких технических артефактов, именно потому, что не сознают их сущности*. И, наоборот, те из них, кто сознает — редкие исключения: инженер Леонардо да Винчи и математик Карл Гаусс — осознанно не открывают эти двери или делают все, чтобы их не открыли.

¹² Вальтер Циммерли замечает по этому поводу: «Мы мыслим технику как нечто, свойства чего меняются, а сущность остается той же самой». Циммерли В.К. Техника в изменяющемся обществе // Философия техники в ФРГ, — М.Прогресс, 1989, С.245.

¹³ Несколько подробнее тема различия логической и фактической возможности рассмотрена нами в работе: Павленко А.Н. Круг в обосновании intersubjectивности // Философия науки, М.ИФРАН, 2009 г.

к появлению — *нечеловека* — «Анантропа». Мы увидим, что современная техника, выступая внешней силой в отношении к естественному человеку, способствует его техногенной инволюции — естественный человек в условиях технической цивилизации становится *цивилизированной обезьяной* — «цивилизьяной». Причем этот процесс принимает угрожающий для естественного человека характер. Будучи погруженным в технический мир, человеческий индивид оказывается технически беспомощным.

Наконец, предметом нашего анализа станет система взглядов, сформировавшаяся в Новое время, которая обусловила использование принципов греческого мышления для осуществления светских эсхатологических целей и, прежде всего, целей технических. В этой связи будет подробно проанализирован принцип тождества «мышления и бытия», специфическое понимание которого Декартом стало пусковым механизмом для научно-технического покорения природы и для совершенно специфического «рационалистического редукционизма», во многом предопределившего возникновение современных биотехнических и биоэтических проблем.

Такова концептуальная задача настоящего исследования. После ее краткого предварения, обратимся к истории вопроса о философии техники, с тем, чтобы понять какое место в ней может занимать вся проделанная ниже работа.

Обращаясь к собственно истории философии техники, следует признать, что о технике в 20-м веке было сказано столько, сколько никогда «до» и вероятно уже никогда «после». Просто потому, что сущность техники открывают как Америку «один раз» и навсегда. Кто же был этим открывателем?

Сущность техники — ее бытийную основу — открыли в 20-м веке одновременно и независимо друг от друга два человека: русский богослов и философ отец Павел Флоренский и немецкий философ Мартин Хайдеггер. Речь идет именно об открытии *сущности*, а не многообразии «форм» проявления техники, предпосылках ее осуществления и т.д., и т.п. Об этом и до них глубоко и интересно говорили и писали многие из нововременных авторов.

Одна из первых попыток понимания места техники в жизни новоевропейского человека принадлежит Ж. Ж. Руссо¹⁴. Непреходящий интерес по обсуждаемой теме представляют также взгляды одного из основателей европейского экзистенциализма Федора Михайловича

¹⁴ См. Руссо Ж.Ж., «Размышления о науке и искусстве», «Размышления о происхождении и основании неравенства».

Достоевского¹⁵. К критике технического человека обращались Ф. Ницше, О. Шпенглер¹⁶ и др.

Однако помимо общих «размышлений о технике» в последней четверти 19 в. и первой четверти 20-го происходит настоящий всплеск аналитических исследований по данному вопросу. Существенная доля этого всплеска приходится на Германию, тогдашнюю столицу ученого мира. Среди наиболее значительных работ этого периода можно назвать работы Эрнста Каппа¹⁷, Теодора Бауэрле¹⁸, Фридриха Дессауэра¹⁹, Манфреда Шрётера²⁰ и некоторых других. Теме техники уже посвящают доклады на Международных философских конгрессах. Именно с темой «Философия техники» на Международном философском Конгрессе в Болоньи в 1911 г. выступает наш соотечественник – московский инженер П. К. Энгельмейер²¹. После этого выступления, в 1912-1913 гг. выходит его объемная работа с аналогичным названием. Сам Энгельмейер отмечает, что на Конгрессе его поддержали Энриковист, Э.Бутру, А.Бергсон, О.Кюльпе и Эрнст Мах, причем, по признанию самого Энгельмейера, последний говорил о «философии техники» задолго до его доклада.

Как видно из одного только названия работ, не «технические достижения», не «технологии», но именно философия техники, со смысловым ударением на первом слове, становится нервом интереса к самой технике не только у философов, но у самих техников (инженеров), культурологов, богословов и ученых. Люди начинают задумываться над тем, что техника не может быть упрощенно сведена к одним только «материально-техническим изделиям» – продуктам человеческой деятельности.

Однако названные и неназванные²² исследователи техники в подавляющем большинстве случаев демонстрировали либо свое безоговорочное признание роли техники и ее выдающееся значение в истории культуры (мнение того же Энгельмейера), либо свое *неприятие*

¹⁵ См., например, Достоевский Ф.М. Записки из подполья, Часть I, Подполье, Гл.VII.

¹⁶ Spengler O. Der Mensch und die Technik, München, 1931.

¹⁷ Kapp E., Grundlinien einer Philosophie der Technik, – Braunschweig, 1877.

¹⁸ Bauerle Th., Technik und Volkserziehung, - Berlin, 1917.

¹⁹ Dessauer M., Philosophie der Technik, – Bonn, – 1928.

²⁰ Schröter M., Philosophie der Technik, – Berlin, – 1934.

²¹ До этого, в 1898г. он уже опубликовал работу под названием «Технический итог XIX века»,

²² В качестве прекрасной обзорной работы можно рекомендовать книгу Гвидо Шнеллманна «Теология и техника»: Schnellmann G. Theologie und Technik // Grenzfragen zwischen Theologie und Philosophie, – Köln - Bonn, 1974, Bd. 21.

«техники», а поэтому носили *некритический*, или, наоборот, преимущественно *критический* характер. Философская же задача заключается не просто в том, чтобы *восхищаться* или *критиковать*, а в том, чтобы *понять сущность* процесса или явления. Вот в этом они, с моей точки зрения, уступали и Флоренскому и Хайдеггеру²³.

Как мы условились считать выше, под сущностью будем понимать такие качества или свойства объекта, которое является основным, то есть такие, без которых данный объект существовать «как именно этот объект» *не может*.. Сущностью чаши, говорил Платон, является «чашность» – *возможность* данного предмета быть пригодным для питья. Сущностью техники, в таком случае, должно быть такое ее (качество) свойство, которое бы позволило выявить ее специфику и отличить технику от всего остального – «нетехники». Но для того, чтобы попытаться реконструировать открытие сущности техники, необходимо установить *онтологическую основу* этой сущности.

Таким образом, перед философами стояла задача – ответить на вопрос «как возможна техника?». Если они находили ответ на этот вопрос, значит, они проникали в существо техники. Исторически первой попытка такого проникновения была осуществлена о. Павлом Флоренским в 1917-24 гг., с анализа которой мы и начнем наше исследование.

Здесь будет уместно также упомянуть, что в основание настоящей работы положены материалы, прочитанные в качестве специального лекционного курса студентам кафедры «Философской антропологии» философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова в зимнем семестре 2003 и летнем семестре 2004 г.. Значительная часть исследования была выполнена в рамках исследовательского проекта «Онтологические основания современной техники: действительные и мнимые аргументы», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) в 2003-2004 гг..

Хочу выразить глубокую благодарность профессору А.П. Огурцову за сделанные замечания и рекомендации, без учета которых настоящая работа не смогла бы обрести законченный вид.

В заключение считаю своим долгом выразить признательность редакции журнала «Человек», любезно предоставившей страницы своего издания для публикации некоторых разделов настоящей работы в 2004-2008 гг.

²³ Интересно, что на эту же черту «освобождения от голого критицизма» в работах Хайдеггера обращают внимание Г.Я. Тавризян (См.: Тавризян Г.М. Техника, культура, человек. Критический анализ концепций технического прогресса в буржуазной философии XX века. – М. Наука, 1986. – С. 118-119.) и Витторио Хёсле (См. Хёсле В. Философия техники М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., – 1991. – С.139-140.